

На правах рукописи

Суханова Екатерина Николаевна

**ДЕСКРИПТИВНАЯ МЕТАФИЗИКА П.Ф. СТРОСОНА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск 2008

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики философского факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Суровцев Валерий Александрович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Чешев Владислав Васильевич

кандидат философских наук
Хлебалин Александр Валерьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Новосибирский
государственный университет»

Защита состоится 24 июня 2008 г. в 14-30 на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, корпус № 4, ауд. № 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан 22 мая 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.267.01
кандидат философских наук, доцент

О.Г. Мазаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность выбранной нами темы непосредственно связана с более общей задачей историко-философского осмысления «аналитической философии» в целом, как феномена интеллектуальной жизни Европы и Америки. В силу относительной «молодости» названного тренда, а также в силу известного равнодушия большинства его лидеров к обычаю работы над идеями признанных классиков философии, процесс исторической саморефлексии аналитической философии начался не так давно. Среди исследователей еще не достигнуто согласие по многим важным вопросам. Существует не одна точка зрения на то, когда именно возникла аналитическая философия, кто был «первым» философом-аналитиком. Предложено несколько периодизаций развития аналитической традиции. Наконец, поражает воображение диапазон имеющихся определений «аналитической философии». Критериев того, какую же философию считать аналитической, выдвинуто действительно много: от самых узких и строгих до крайне широких и неопределенных. Разброс мнений, на наш взгляд, свидетельствует о незавершенности дескрипции феномена, о том, что адекватная интерпретативная схема еще не найдена. Сущность и значение аналитической философии остаются для нас скрытыми.

Вместе с тем мы не можем не отметить широкой распространенности – особенно в отечественной литературе – совершенно определенного канона рассмотрения аналитической философии. Редкий обзор современных дискуссий обходится без упоминания имен Б. Рассела, Л. Витгенштейна, У.В.О. Куайна. Любой учебник современной философии более или менее внятно сообщает о «логическом позитивизме», «ранней и поздней философии Л. Витгенштейна», «лингвистическом повороте». Уверенно утверждается, что перечисленным направлениям свойственны сциентизм, антипсихологизм, аисторичность, антиметафизическая установка, опора на метод логико-лингвистического анализа и проч. Такая точка зрения является результатом анализа и генерализации большого количества материалов. Однако, это, по сути, только частный результат, описывающий один из ключевых этапов в истории аналитической философии. К сожалению, он часто становится шаблоном для оценки *всей* аналитической философии, что способно существенно исказить картину ее развития, привести к противоречиям между интерпретативной схемой и фактами. Поэтому для успеха историко-философской работы необходимо значительное расширение области поиска, понимание, что аналитическое движение, очевидно, не сковано рамками трех указанных таксонов. При этом важными представляются не только попытки фикса-

ции магистральных путей развития аналитической философии, но и выявление достаточно нетрадиционных, оригинальных ходов мысли. Тот факт, что аналитическая философия и сегодня не является завершенным проектом, добавляет значимости последнему направлению исследования как потенциальному ресурсу прогнозирования ее будущего развития. Этому направлению принадлежит и объявленная нами тема. Она призвана заполнить некоторый пробел в отечественной историографии и, несомненно, является перспективной областью исследования.

Фигура оксфордского философа Питера Фредерика Стросона (Strawson, 1919-2006) выбрана нами по двум причинам. Во-первых, мы считаем его одним из ключевых мыслителей, открывающих очередную волну аналитического движения. Предложенная им программа «дескриптивной метафизики» обыденного языка является первой в череде попыток ассимиляции ранее трансцендентных для аналитической парадигмы подходов. Интригующее сочетание метафизической и традиционной лингво-аналитической установок, на наш взгляд, требует более подробного разъяснения, чем было где-либо дано до сих пор. Во-вторых, несмотря на то, что П.Ф. Стросон, в отличие, скажем, от Л. Витгенштейна или У.В.О. Куайна, никогда не был «модным» философом, знакомство с его идеями является необходимым условием серьезного изучения работ признанных «классиков» аналитической философии. Наблюдатель и участник современных дискуссий вокруг «трансцендентальной аргументации», философии сознания, логики обнаружит, что зачастую они строятся как ответ на стросоновское видение соответствующих проблем.

Постановка проблемы исследования. Наше исследование нацелено на экспликацию программы «дескриптивной метафизики», систематически изложенной П.Ф. Стросоном в его книге «Индивиды» (1959). Экспликация должна отдавать должное факту, что П.Ф. Стросон со всей очевидностью является представителем аналитической традиции. Если принять во внимание славу аналитической философии как критики метафизического мышления, возникает закономерный вопрос о возможности какого бы то ни было проекта метафизики, исполненного в аналитическом жанре. *Как возможна реабилитация метафизической проблематики вопреки всей критике?* Реабилитирует ли П.Ф. Стросон метафизику в том же самом смысле, в каком она была отвергнута большинством его предшественников? Или же в стросоновском употреблении этого слова больше риторики, чем желания вернуть когнитивную значимость философствованию в аналитическом стиле?

Цель исследования. Проблема сформулирована нами в самом общем виде. Для ее надлежащего понимания необходимо четче определить основные компоненты коллизии. В ее корнях мы обнаруживаем древнюю головоломку, эмблемой которой можно считать вопрос «о том, что есть» (существует). Как известно, философская теория дает нам как минимум два способа обращения с вопросом. Ответить на него можно с позиций онтологии и/или с позиций метафизики. При этом выбор подхода связан с решением метафилософских задач, а именно с определением предметной области (компетенции) философии как отдельной дисциплины, которое осуществляется исходя из тех или иных представлений о рациональном, осмысленном. Внутри аналитической философии рассматриваемого периода можно наблюдать пестроту этих представлений, вследствие чего можно выявить и нарастание антиметафизического пафоса, и утрату интереса даже к онтологическому исследованию, и – как у П.Ф. Стросона – неожиданный всплеск интереса к метафизическому подходу. Акцентирование этой внутренней концептуальной неоднородности аналитической философии влечет за собой признание недостаточности простого антитетического противопоставления проектов «преодоления метафизики» и «реабилитации метафизики».

Поэтому целью своего исследования мы полагаем абрис этих колебаний (процессов дефляции/инфляции метафизической и онтологической проблематики, сменяющих друг друга) и лоцирование на этой «синусоиде» доктрины П.Ф. Стросона. Таким образом, раскрытие сопряжения проекта П.Ф. Стросона с наиболее известными онтологическими концепциями ранних аналитиков должно выглядеть у нас как сравнение координат неких точек-экстремумов, принадлежащих *единому* графику.

Задачи исследования. Достичь намеченной цели мы планируем посредством решения трех основных задач.

Во-первых, необходимо показать, как происходила дефляция онтологии в рамках ранней аналитической философии; какие теоретические предпосылки побудили аналитиков принять негативный идеал анализа, решив отрицательно вопрос об онтологическом «доверии» к языку (т.е. о допустимости вывода от результатов исследования концептуальных средств языка к необходимым структурам мира).

Во-вторых, следует выяснить, какой смысл вкладывали приверженцы дефляционного подхода в понятие «метафизика». Среди участников антиметафизического движения мы находим представителей школ, которые часто позициониру-

ют себя как альтернативы друг другу и даже отрицают друг друга. Возможно, и объект «преодоления метафизики» всякий раз был иным.

В-третьих, надлежит выяснить и смысл «метафизического» у П.Ф. Стросона, реконструировав его проект, реабилитирующий идею универсальной логической грамматики языка, и продемонстрировав его приемлемость для решения ряда логико-философских затруднений, связанных с анализом референциальной функции языка. Тем самым будут выявлены методологические и доктринальные новации философа, значимые для расширения потенциала аналитического метода как такового, способные преобразовать аналитическую традицию или вывести данную парадигму на новый уровень развития.

Степень теоретической разработанности проблемы. История аналитического движения не является совсем новым предметом изучения. Попытки концептировать его развитие, классифицировать и оценить его достижения предпринимались многими исследователями, зарубежными и российскими. Имеется даже некоторый фонд классических сочинений, без обращения к которому не обходится ни одна работа, соответствующая данной тематике. Непревзойденной остается монография Т.И. Хилла, посвященная обзору современных эпистемологических воззрений и во многом определяющая образ аналитической философии для русского читателя. Популярны также книги Дж. Пассмора, отличающиеся широтой охвата материала и живостью повествования. Среди отечественных авторов назовем А.Ф. Грязнова и М.С. Козлову, которым удалось не только ввести в наш научный оборот идеи крупнейших западных аналитиков, но и составить собственную четкую историко-философскую концепцию. В этой связи нельзя не упомянуть И.С. Нарского и А.С. Богомолова, советских исследователей, стоящих на позициях марксизма.

Однако более плодотворным и успешным жанром историко-философских исследований остаются специализированные штудии отдельных мыслителей или отдельных трендов, возникших в рамках аналитической философии. Работы В. Крафта (история неопозитивизма), Х. Хохберга (логический атомизм Б. Рассела), П.М.С. Хаккера, Г.П. Бейкера, С.А. Крипке, А.Ф. Грязнова, З.А. Сокулер, В.А. Суровцева (философия Л. Витгенштейна), Х.-Й. Глока, П. Хилтона (прагматистски ориентированные течения (Р. Карнап, У.В.О. Куайн)), А.Ф. Грязнова, Дж. Греко, П. Рысьева (философия здравого смысла, философия Дж.Э. Мура)) послужили нам весомым подспорьем для решения поставленных задач.

Еще один подход к изучению наследия аналитической философии – это реконструкция истории той или иной проблемы, отслеживание изменений в предлагаемых методах ее решения. Образцами подобных исследований могут служить работы Г. Кюнга, Ф.А. Тильмана, Дж. Корнмана, Р.М. Мартина и др. Для наших собственных целей особенно важными являются работы, содержащие рассуждения о судьбах метафизики в аналитической философии (Б. Страуд, П.М.С. Хаккер и Г.П. Бейкер, Е.А. Берт, Д.А. МакДугалл, М. Чарльзворт, Р. Прайс) и конципирующие трансцендентальные мотивы в современной философии (С. Кернер, Б. Страуд, Я. Хинтиikka, Р. Рорти, В. Вонг, К. Кассам, А.Л. Брюкнер, Дж. Беннет).

Отдельно следует указать корпус исследований, центрирующихся на том или ином фрагменте самой теории П.Ф. Стросона. Активно обсуждались стросоновский концепт «личности» (П.М.С. Хаккер, Р.И. Джоунз, С.К. Коваль, Д.С. Кларк, С. Прист, Г.П. Григорян), проблемы идентификации партикулярий и возможность выделения категории «базовых» партикулярий (Ф.И. Дрекке, Б.А. Броуди, Д. Браунштейн, Ф. МакБрайд), некоторые логические аспекты программы (С. Нил, Ф.Х. Доннел, Р. Гринберг, Т. Смайли, Дж. Джарвис, П.Т. Гич, Х. Хохберг), стросоновская интерпретация трансцендентализма И. Канта (Б. Страуд, К. Кассам, Г. Берд, В.А. Чалый, О. О'Нейлл, Дж. Беннетт). Известен также ряд статей, содержащих краткий аналитический отчет о программе П.Ф. Стросона в целом (М. Глуберман, Т.Н. Панченко, П.М.С. Хаккер).

Наконец, к обзору современного состояния исследований вопросов, релевантных нашей цели, необходимо добавить следующее. Поскольку переводов программных монографий П.Ф. Стросона на русский язык нет, и знакомство русскоязычного читателя с этим философом ограничивается несколькими статьями и, возможно, ссылками на его идеи в изданных у нас работах других авторов (см., напр., У.В.О. Куайн, «Слово и объект», М.: 2000), мы отмечаем крайне незначительное количество осмысленных работ российских философов, посвященных теории британского аналитика (Т.Н. Панченко, Г.П. Григорян, В.А. Чалый). Иногда имя П.Ф. Стросона появляется на страницах сводных монографий или учебников («Аналитическая философия» под редакцией М.В. Лебедева, «Английская философия XX века» С.В. Никоненко). Масштабных работ, центрирующихся на дескриптивной метафизике П.Ф. Стросона, нет. Насколько мы можем судить, ни одна из поставленных нами задач не была решена в полном объеме, однако имеется достаточный теоретический базис для осуществления планируемого нами исследования.

Объект исследования. Ориентируясь на состояние дел в соответствующей области историко-философского знания, в качестве объекта, требующего изучения, мы выделяем изменения в оценке, которую философы-аналитики давали идее построения систематической онтологии или метафизики. Как было отмечено, по отношению к вопросу о возможности метафизики и онтологии обнаруживаются весьма разнообразные, в том числе и противоположные, точки зрения, которые маркируют процессы дефляции и инфляции (то есть исключения и включения в область теоретических интересов) данной проблематики.

Предмет исследования. В соответствии с объявленной темой, на передний план исследования мы выдвигаем стросоновский проект «дескриптивной метафизики» – в качестве примера инфляции интереса к построению онтологии обычного языка и ее теоретического оправдания.

Методологическая основа исследования. Для достижения цели исследования мы прибегаем к стандартному методологическому оснащению. Будут использоваться, в основном, метод сравнения, метод реконструкции, некоторые герменевтические приемы. Но в своем исследовании мы дополняем этот инструментарий, адаптируя методы к изучаемому предмету, к специфике аналитической философии. И для этого, прежде всего, мы нуждаемся в некоем рабочем определении данной философской традиции, от которого можно было бы оттолкнуться при рассмотрении идей П.Ф. Стросона.

В поисках спецификации аналитического стиля мышления полезно обратиться к известному «методологическому критерию».

Этот критерий можно понимать по-разному. Так, причастность к аналитической философии могла бы определяться приверженностью идее отыскания и разработки универсальной процедуры, следование которой позволит философии достигнуть чего-то похожего на статус науки. Обычно в качестве такой процедуры предъявляется логический анализ языка. Однако, как бы ни был специфицирован данный метод, никакая сумма конкретных характеристик не составит «символ веры», признаваемый каждым, кто считает себя аналитическим философом.

Дело здесь не только в том, что метод, возможно, эволюционировал на протяжении истории аналитической парадигмы, постоянно принимая новые формы. И не в том, что метод – понятие само по себе крайне индивидуализированное, поскольку сущность метода в его аппликации, а последняя – прерогатива отдельно взятой философствующей личности. На наш взгляд, причина трудностей

применения методологического критерия кроется в том, что данный критерий взят как *чисто* методологический.

Поэтому мы модифицируем критерий: указание на парадигмальные черты аналитической философии должно осуществляться не только посредством описания некоторого метода, но и через отсылку к определенным образцам его применения, инкорпорирующим (помимо собственно реализации техник) содержательные допущения, установки целеполагания и проч.

Что касается списка классических паттернов философии анализа. Во-первых, такой список, несомненно, должен быть. Во-вторых, изменчивость списка от автора к автору вполне естественна и не должна нас смущать, поскольку это как раз тот тип вариативности, который является залогом возможности успешной историко-философской работы. В-третьих, обоснованием включения в список того или иного имени можно считать наличие выдающегося количества философских контроверз, с этим именем связанных.

Итак, для нас аналитический философ – тот, кто находит так или иначе релевантными своему творчеству методологические приемы и концепции, изложенные в работах Дж.Э. Мура, Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Здесь мы можем прервать перечень авторов, сославшись на относительно частный характер интересующей нас проблемы. Оставляя список незавершенным, мы воздаем должное и популярной витгенштейнианской метафоре «семейного сходства». Если сравнивать аналитическую философию с «большой философской семьей», то, разумеется, это не патриархальная семья. Аналитическая философия не имела и не имеет единственного центра (ни в географическом, ни в идейном плане). «Схватить» ее родовую сущность можно лишь отчасти, путем отслеживания определенных «генеалогических» линий.

Таким образом, рабочее определение аналитической философии уже задает определенный подход, к которому мы намерены прибегнуть: продвижение в *анализе* интересующего нас процесса, по возможности, не должно нарушать индивидуального *единства* содержательных пресуппозиций и методологических установок, присущих тому или иному мыслителю, подпадающему под рассмотрение.

Решение опираться на данную максиму сообщает традиционным методам историко-философского и компаративного анализа некоторую определенность. Ясно, что отслеживание процессов дефляции и инфляции онтологической проблематики в стратегиях философов-аналитиков будет проводиться не иначе как путем фиксации изменений в характере постановки исследовательских задач *и* в методологиче-

ских идеалах того или иного корпуса учений. Точно определить доктринальную сторону стросоновской программы, ее регулируемую цель и особенности процедуры, в русле которой, по мысли автора, эта цель должна реализовываться, позволит, конечно, прием реконструкции. Причем контекст, на фоне которого совершается реконструкция, составляют идеи небольшого круга авторов. Этот набор был составлен и корректировался нами по мере изучения самой доктрины П.Ф. Стросона; то есть работы по решению всех поставленных задач, по структурированию контекста и реконструкции дескриптивной метафизики велись одновременно, как и положено при герменевтическом толковании.

Научная новизна исследования. Мы хотим представить отрезок истории аналитической философии, фиксируя возрастание или спад интереса к вопросам метафизики и онтологии у разных ее представителей. Это стремление является новацией, поскольку обыкновенно предлагается смотреть на историю аналитического движения через призму классификаций по видам аналитических процедур, по «школам» анализа. Мы тоже ссылаемся на «логический эмпиризм», «философию обыденного языка» и другие знакомые лейблы. Тем не менее, мы никогда не делаем их опорой исследования; мы не считаем своей основной задачей определение принадлежности П.Ф. Стросона какой-либо из известных «школ».

Помимо подхода, новым является и выбор предмета исследования. Как уже было отмечено, примеры реконструкций метафизического проекта П.Ф. Стросона с учетом тенденций развития аналитической философии нам не известны. В процессе реконструкции программы впервые дан подробный анализ особенностей категориального аппарата П.Ф. Стросона (основания дистинкции «ревизирующей» и «дескриптивной» метафизик, критерий различения «нашей» и «альтернативных» концептуальных схем, концепт «личности» и т.д.).

Наконец, специфический способ расстановки методологических акцентов привел нас к ряду результатов, которые помогут несколько скорректировать сложившийся образ аналитической философии, показать ее разнообразие и неоднозначность.

Положения, выносимые на защиту. 1. Аналитическая философия не является полностью свободной от метафизики. Проект дефляции онтологии и метафизики, действительно, влиятелен и силен. Однако, как показывает исследование, для ранней аналитической мысли существует два источника возможного возрождения метафизики, один из которых - внутренний: это переосмысление наследия логического атомизма и философии здравого смысла. Этот вывод подкрепляет нашу уверенность, что исследовательская цель должна быть связана с поиском экспликации *процессов* дефляции или инфляции метафизического под-

хода, а не *описания* аналитической философии как антиметафизической парадигмы tout court.

2. Через корреляцию смыслов, вкладываемых разными авторами (Б. Рассел, Дж.Э. Мур, М. Шлик, Р. Карнап, Л. Витгенштейн У.В.О. Куайн, П.Ф. Стросон) в понятие «метафизика» (онтология) показано, что доктрина дескриптивной метафизики, будучи исследованием концептуальной схемы обыденного языка, не является объектом «преодоления метафизики», затеянного Венским кружком, однако должна противостоять вызовам, исходящим от прагматистски ориентированных течений философии языка. В течение рассматриваемого периода «границы смысла» (и вместе с ними сущность метафизического) неоднократно переопределялись. Поэтому нельзя говорить, что П.Ф. Стросон «реабилитировал метафизику», отвергнутую логическим эмпиризмом.

3. Дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона – не что иное как еще одна попытка по-новому определить «границы осмысленного», а вся новизна стросоновского подхода заключается в переориентации исследования на поиск *нижних* пределов смысла, то есть в указании на ограничение, которое стремление составить представление о возможном опыте познающего существа налагает на аналитический метод, каким бы «онтологически экономным» он ни был.

Теоретическое и практическое значение исследования. Теоретическое значение работы заключается в предложенном комплексе методологических основ для исследования аналитической философии вообще и творчества отдельных ее представителей в частности. То есть мы полагаем возможным продолжением своей работы экстраполяцию использованных в ней приемов в иные проблемные области современной историографии аналитической философии.

Результаты исследования могут служить материалом для подготовки учебных курсов по истории современной философии, аналитической философии, проблемам метафизики.

Апробация материалов исследования. Идеи, положенные в основу настоящей работы, были представлены в виде докладов на конференциях различного уровня (V Региональная межвузовская конференция молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук» (Томск, 2003), XLII Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2004), Всероссийский семинар молодых ученых «Дефиниции культуры» (Томск, 2004), Международная научная конференция «Философия И. Канта и современность» (Минск, 2004), I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социальной философии» (Томск, 2005)), обсужда-

лись на IX Летней философской школе (Новосибирск, 2005) и на Аспирантском семинаре философского факультета ТГУ (2007).

Структура исследования. Работа состоит из вводной и заключительной частей, списка литературы (167 источников) и двух глав. В первой мы выявляем тенденции к дефляции и инфляции онтологии в мышлении ряда аналитиков (Б. Рассел, Дж.Э. Мур, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У.В.О. Куайн). Вторая глава содержит реконструкцию процесса построения картины метафизики обыденного языка у П.Ф. Стросона. Объем диссертации составляет 201 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации и степень ее теоретической разработанности, определена цель, перечислены задачи, указан методологический базис, на который опирается исследование, изложены основные результаты и их научная значимость.

Первая глава «Дефляция и инфляция метафизики в ранней аналитической философии» состоит из двух разделов, которые посвящены раскрытию означенных тенденций в рамках философии логического анализа и философии обыденного языка.

Первый раздел первой главы «Философия логического анализа» содержит пять параграфов. В §1 «Атомизм Б. Рассела и Дж.Э. Мура: через логику и язык к реальности» рассматривается творчество родоначальников аналитической философии (в нашем ее понимании), изобретение ими нового философского метода – «логического анализа языка» и предназначение, которое этому методу приписывалось. Делается вывод, что в момент своего возникновения и оформления философия анализа полна онтологического оптимизма, помещается на довольно высоком уровне нашей «шкалы метафизичности».

Ядром доктрины логического атомизма является положение о переходе от осмысления формальных концептов («объект», «свойство объекта», «существование объекта») и структуры истинного суждения к формированию картины реальности, к «достижению простых, из которых построен мир». Открытие связанности исследования природы символизма и вопроса о том, что есть, оценивалось атомистами как ресурс для построения системы метафизики, правда, весьма отличной от традиционных примеров. Логика и непосредственно данное: этого должно быть достаточно для суждения о реальном, для нахождения «окончательной метафизической истины». Любой выход за рамки установленного минимума будет означать профанацию философского знания. То, что есть, есть не-

избежно. Тому, чего можно избежать, лучше не быть. Тест на бытие – нередуцируемость, принадлежность к минимальному онтологическому базису, необходимому для построения модели логической системы.

Доктрина логического атомизма кристаллизуется на фоне опровержения метафизики абсолюта брэдлианского типа. Поэтому смысл «метафизического» неизбежно раздваивается или обновляется. Для Б. Рассела «метафизическое» означает либо «логически сконструированное из непосредственно данного», либо вообще ничего не означает. Для Дж.Э. Мура метафизика – это экзистенциальные пресуппозиции обыденного языка, либо самопротиворечивые безосновательные выдумки. В связи с попытками переопределения статуса метафизических высказываний актуализируется тема демаркации смысла и бессмысленного – одна из проблемных точек последующей аналитической философии.

Принцип онтологического доверия к языку (идеальному или обыденному); понимание, что некоторые проблемы и парадоксы философских теорий имеют чисто лингвистическую природу; тщательно разработанные процедуры регламентации языка (теория типов, теория дескрипций, метод конструкций) – вот неполный список наследия, оставленного Дж.Э. Муром и Б. Расселом.

В §2 «"Логико-философский трактат": метафизика против метафизики» дается оценка некоторых идей ранней философии Л. Витгенштейна. Если работы Б. Рассела исполнены в знакомом стиле рекомендаций «всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука», то «Логико-философский трактат» дает нам интересный образец «последнего слова в философии», другого жанра, типичного для проекта Первой философии.

Л. Витгенштейн продолжает начатый Б. Расселом поиск идеального языка, который сохранял бы сущностные черты естественного языка, но был бы лишен его недостатков. Причем *вся философия* теперь сводится к «критике языка».

Известная витгенштейновская демаркация выразимого/невыразимого влечет за собой важное следствие касательно статуса философских теорий. Оказывается, что у таких «теорий» отсутствует предметное поле. Все пространство выразимого (пространство вопросов и ответов, истинного и ложного содержания) – домен науки, предназначение которой – аккумуляция информации о фактах, имеющих место в мире. Мистическое (невыразимое) – внемирное царство этического поступка, непередаваемого чувства жизни, указать на которое можно лишь косвенно, не понятийно; и здесь философии – как рациональной дисциплине – места нет.

«Философией» может быть назван только определенный вид деятельности, но не доктрина. Философия оказывается стражем пределов всякого смысла и воспитателем правильного мышления. Видеть «показанное» проанализированным предложением – единственно приемлемый способ добраться до априорного, необходимого, логического. Анализ является процедурой, имманентной языку. И его нельзя считать особым инструментом познания, который мог бы сообщить некую содержательную информацию о мире – в дополнение к сведениям, добытым методами эмпирической науки.

При всем этом Л. Витгенштейн остается при убеждении, что открытие природы предложения дает путь к открытию структуры реальности. Именно этот проект реализуется «Трактатом»: исходя из сущности «отношения отображения» делаются выводы о фактичности и атомистичности мира, о бескачественности (отсутствии концептуальных различий) предметов, составляющих «субстанцию» или «форму» мира, и т.д. Но тут же оговаривается, что эти выводы – и не выводы вовсе, а нечто фундирующее все по-настоящему значимые выводы.

§3 «Венский кружок: отождествление осмысленного и верифицируемого» раскрывает особенности программы логического эмпиризма, которая использует витгенштейновский метод логического анализа, но «детрансцендентализирует» его.

Венские позитивисты настаивали на строгом дуализме типов высказывания и знания: всякое высказывание принадлежит только одному из двух типов, то есть является либо априорным, либо синтетическим (но не тем и другим одновременно). Не опираясь на опыт, априорные высказывания в принципе ничего не способны сказать о фактах, имеющих место в мире. Логика описывает не мир, а способ репрезентации мира в мышлении, способ оперирования знаками, который сам по себе свободен от предметного значения этих знаков. В свете этой доктрины метафизический инсайт Л. Витгенштейна о гармонии языка и мира оказался исключительно неудобным.

На долю философа выпадает задача построения универсального языка научной теории, который призван фундировать и поддерживать целую картину реальности, характерную для Научного Мироздания. Поэтому витгенштейнианский мистицизм общности формы отображающего и отображаемого заменила концепция логики как синтаксиса, понятого не как разворачивание внутренних свойств элементарного предложения, а как совокупность произвольных дефиниций логических операторов, правил образования и преобразования.

Весь накопленный наукой и философией массив утверждений классифицировался логическим эмпиризмом на три группы: подлинные высказывания (для которых может быть установлен эмпирический критерий верификации, в силу чего они являются действительно когнитивно значимыми, то есть «осмысленными»), бессмысленные высказывания (логические тавтологии и противоречия) и лингвистические единицы, ранее известные как «необходимые метафизические утверждения». Последние нельзя назвать ни высказываниями, ни предложениями. Это псевдопредложения, построенные с нарушением синтаксиса. Иногда причиной метафизического заблуждения является смешанность формальных и материальных понятий в естественном языке. Р. Карнап предложил процедуру сепарации формальных понятий (учение о синтаксических, объектных и псевдообъектных предложениях), благодаря которой некоторые неудобные фразы, отсылающие к псевдознанию и объявленные Л. Витгенштейном вне закона, переинтерпретируются как высказывания о синтаксисе. То есть метафизические утверждения не являются тем, за что они себя выдают. Они повествуют не о мире, а о языке.

§4 «Учение Р. Карнапа о “внешних” вопросах: факты не задействованы» содержит указание на слабость позитивистского решения проблемы демаркации и на причины коллапса проекта универсального языка. В качестве попытки реформации первоначального учения приводится доктрина языковых каркасов Р. Карнапа, позиция которого не только целиком отрицает метафизику, но и тривиализирует проект онтологии.

С помощью понятия верификации логическим эмпиристам не удалось ни найти удовлетворительного объяснения функционированию науки, ни представить научную теорию как иерархическую структуру знаний, которая основывается только на непосредственных опытных данных. Новые открытия в естествознании и логике существенно повлияли на позитивистскую концепцию философии как логики единой науки.

Оказалось, что синтаксис языка науки может быть построен различными способами. Конвенционализм присутствует и в семантике: выделение тех или иных элементов в качестве значений неанализируемых символов языковой системы относительно и определяется соображениями прагматического толка. «Язык науки» не обязан быть универсальным: скорее, он должен быть подчинен конкретной цели, решению конкретной научной проблемы, сколь бы локальной она ни была.

Ситуация прагматического сдвига, однако, не ставит под сомнение принцип редукционизма, т.е. идею, что все понятия и предложения данного языка должны быть сконструированы из исходного множества однотипных единиц (хотя теперь не уточняется – каких именно). В профессиональные обязанности философа входит не только антиметафизическая профилактика научного дискурса, но и вынесение особых рекомендаций о том, какой языковой каркас в данном конкретном случае лучше использовать. Языковой каркас – это система лингвистических ресурсов, необходимых для рассуждения о каком-либо типе сущностей. Языковой каркас обеспечивает нас критериями реальности, осмысленности, рациональности. И то, и другое, и третье – не абсолютно, изменчиво от каркаса к каркасу.

Р. Карнап считает, что вопросы философов-метафизиков (онтологов), как правило, касаются целых категорий сущего, а значит – самого языкового каркаса. Метафизики склонны мыслить свои вопросы «внешними» по отношению к каркасу, на которые необходимо ответить *до* принятия каркаса. Но внешний вопрос, по Р. Карнапу, не является познавательным. Онтологические интуиции не имеют отношения к проблеме выбора каркаса. Выбор арсенала лингвистических средств не определен какими-то уже сложившимися взглядами на то, что есть. Внешний вопрос, как любой вопрос выбора, прагматичен, т.е. ориентирован на оценку целесообразности и потенциальных практических выгод от принятия той или иной альтернативы. Нюанс карнаповской трактовки прагматизма – по-позитивистски строгая демаркация эпистемологии и семантико-синтаксических исследований. Даже если выбранный язык в процессе использования оправдывает возложенные на него прагматические надежды, это нельзя считать свидетельством в пользу реальности сущностей, для разговора о которых данный язык был создан.

§5 «Теория референции У.В.О. Куайна: онтологическая относительность» представляет указанную теорию как критику конвенционализма карнаповского типа. По У.В.О. Куайну, философское исследование (даже «логика науки») не является онтологически «невинным», а сравнение и выбор языковых каркасов – это не просто выбор удобной системы репрезентации. Согласившийся с рассуждениями У.В.О. Куайна будет вынужден признать отсутствие демаркационной линии между наукой и спекулятивной философией, между «делами факта» и «делами языка». Однако это признание не приводит к апологии надэмпирической метафизики.

Референциальный разрыв, впервые явно обнаруживающийся в знаменитой модели радикального перевода, У.В.О. Куайн экстраполирует на понимание родного языка, где при общении с ближними мы привязаны к тем же самым «не-уклюжим процедурам» толкования значений слов. Референция бессмысленна, поскольку с помощью поведенческого критерия не удастся распознать ее точный объект.

Но ощущение нонсенса возникает только при изолированном, «абсолютистском» рассмотрении способов отсылания к объектам. Референция не абсолютна. Референция в теории, в языке. Более того, она дважды в языке.

Психо-лингвистическое кондиционирование, которому подвергается в детстве, обеспечивает его домашним языком. Относительно и внутри этого идиолекта он может производить отсылки к реальным вещам и получать одобрение ближних. Но чтобы сознательно обсуждать референцию и тем более – оценивать теоретические преимущества онтологий, требуется дистанцирование от *обеих* сравниваемых систем. Причем дистанцирование не означает «космического изгнания» мыслителя за пределы рационального.

Инструмент дистанцирования У.В.О. Куайн описывает как «семантическое восхождение». В свое время Р. Карнап прибегал к различению материального и формального модусов речи. С точки зрения У.В.О. Куайна, в самой этой дихотомии нет ничего плохого. Плохо то, что Р. Карнап позволяет себе пользоваться «музейным» модусом, т.е. представлять процесс интерпретации теории как выборку из коллекции готовых и знакомых денотатов, осуществляемую в порядке «прагматического обдумывания».

По У.В.О. Куайну, интерпретация теории – это разновидность перевода. Это фиксация объектов теории *относительно* объектов домашнего языка, о которых мы говорим *своими собственными словами*. Перевод же является неопределенным, но не в силу неспособности добраться до экспонатов семантического музея, значений, а по причине отсутствия эмпирического свидетельства правильности какого-то одного варианта из множества переводов. Тем не менее, лишь при переводе мы получаем осязаемую опору онтологическим вопросам. Сравнение онтологий осуществляется через сопоставление концептуальных схем.

Второй раздел первой главы «Философия обыденного языка» состоит из двух параграфов. §1 «Дж.Э. Мур: метафизика здравого смысла» содержит интерпретацию понятия достоверности здравого смысла, которую Дж.Э. Мур приписывает обыденным утверждениям. Связывая понятия достоверности и осведомленности, Дж.Э. Мур выводит исследование за «грамматические» рамки, но

он далек от мысли, что все попытки построения систематической метафизики должны пресекаться.

По Дж. Э. Муру, рассмотрение дискурса с точки зрения его концептуальной связности показывает, что значение высказывания или фразы трансцендирует логико-семантические отношения и его адекватный анализ требует характеристики подробностей конкретной ситуации произнесения. Истинностное значение и осмысленность высказывания подвержены изменению в зависимости от личных обстоятельств человека, который делает это высказывание. Причем некоторые суждения, составляющие описание ситуации, в которой было бы уместно использовать определенное выражение, не являясь логически необходимыми истинами, относительно системы языка лишены свойства бивалентности. Они просто не могут быть ложными, поскольку являются граничными условиями существования и функционирования концепта и соответствующего выражения.

Практическое знание языка предполагает знание как неопровержимо истинных очень многих вещей. Это «посылки» нашего языка. Фоновые знания лишь по видимости не участвуют в вербальных отчетах о происходящих событиях, о результатах мыслительных операций. В действительности они – как и правила логики – конститутивны для языка. Для философии же они должны стать регулятивными.

У философии (если она желает дать описание наиболее общих и необходимых черт реальности, а не возможного мира) нет иного пути, кроме следования заповедям здравого смысла, лежащим в основе языка. Непосредственная задача философии – наблюдение за тем, как ведет себя язык, выявление условий уместности высказываний и непроговариваемых пресуппозиций, управляющих дискурсом.

В §2 «Л. Витгенштейн: возвращение слов от метафизического к повседневному употреблению» исследуется концепция языковых игр позднего Л. Витгенштейна. Деятельностная трактовка философии и идеал исчезновения философии как таковой дополняется у позднего Л. Витгенштейна деятельностной трактовкой языка как «формы жизни».

Альтернативу построению формальных определений значений и логическому конструированию языка из простых единиц значимости Л. Витгенштейн видит в подходе, который основывался бы на методе наблюдения, подкрепленном сознательным стремлением «оставить все так, как оно есть». Ориентиром – косвенным аналогом лингвистического атома – становится *языковая игра* как частная реализация речевого действия, принятая в лингвистическом сообществе.

Понятие языковой игры отсылает к рекомендации методологического плана и означает требование анализа, сохраняющего индивидуальность и внутреннюю целостность каждой «формы жизни». Существенным подспорьем в работе философа служит возможность моделирования языковых игр.

Но «языковая игра» – это еще и теоретическое (точнее – квази-теоретическое) понятие. Это способ существования, единственно доступный человеческому языку. Знаменитый витгенштейновский тезис о значении как употреблении также вырастает из метафоры языковой игры. Показывая, что владение языком не может быть представлено по модели следования скрытой системе правил, Л. Витгенштейн провозглашает бесосновность языка.

Своей философской миссией Л. Витгенштейн считает возвращение слов от метафизического к их повседневному употреблению, что означает как восстановление состояния дел, когда мы чувствовали себя в своей лингвистической амуниции комфортно, так и достижение концептуального просветления, когда более не существует причины, вынудившей нас травмировать рассудок масштабными выводами о порядке мира. Когда грамматика понятия будет восстановлена, интерес философа угаснет: проблема будет снята совсем, а не перенесена в другую область. Ибо то, что раскрывается грамматикой и есть интересующая философа «сущность» – вся сущность вещи целиком.

Как показывает Г. Бейкер, в паре метафизическое/обыденное смысловой доминантой выступает категория метафизического. Необычное распределение акцента отличает позицию Л. Витгенштейна не только от позитивистского проекта преодоления метафизики, но и от философии обыденного языка. Для обоих названных трендов характерно понимание метафизического словоупотребления как антитезы желаемого стандарта языка (повседневного, идеального), как отклонения от известной нормы. У Л. Витгенштейна же путь избавления от метафизических заблуждений не подразумевает возвращения к канонической языковой форме. Он не генерирует модели единственно правильного и определенного результата философской активности.

Вторая глава «Программа дескриптивной метафизики П.Ф. Стросона» содержит три раздела, посвященных экспликации особенностей стросоновской методологии, доктрины метафизики языка, ее логических приложений и следствий.

В Первом разделе второй главы «Образ исследования. Особенности аналитической процедуры» намечается предварительная картина намерений П.Ф. Стросона, рассматривается его понимание процедуры и объекта философ-

ского анализа, толкуется предложенная им дистинкция ревизирующей и дескриптивной метафизик.

Цель философствования П.Ф. Стросон формулирует как «общее человеческое концептуальное самопонимание». Он сохраняет многое из метода Л. Витгенштейна (коннекция вместо редукции; употребление вместо значения). Но две программы расходятся в оценке пределов и возможностей философии. П.Ф. Стросон делает проблематичное допущение о субстанциальности определенных черт нашей схемы понятий и планирует дополнить скромный проект философии как исцеления недугов мысли поиском объяснительной теории для концептуальной структуры, скрыто присутствующей в нашем мышлении – подобно тому, как грамматическая упорядоченность присутствует в любых осмысленных высказываниях.

В надежде поколебать всеобщую уверенность в невозможности позитивной систематической теории П.Ф. Стросон возвращается к обсуждению атомистических концепций. В своем коннективном методе П.Ф. Стросон намерен использовать ноцию базовых элементов, наделенных почти всеми замечательными характеристиками атомов редукционного анализа. Однако ввиду отказа от декомпозиции, от стремления к простоте возникает потребность в ином толковании первичности, предельности, фундаментальности.

Для подтверждения необходимости базовых понятий П.Ф. Стросон предлагает тест, основанный на возможности, находясь внутри действительной схемы идей, оформлять другие интеллигибельные концепции опыта, в которых некоторые важные понятия нашего обыденного языка не могли бы иметь места. П.Ф. Стросон уверен в наличии «нижних пределов смысла», в том, что мысленное изъятие категорий не может проводиться бесконечно – без утраты способности составить представление об опыте сознающего существа. В конце концов мы должны остаться с минимальной структурой, существенной для любого опыта. Понятие считается базовым, только если оно принадлежит к ресурсам, необходимым для описания этой структуры.

Стросоновское понимание необходимости имеет источник в трансцендентализме И. Канта, где доказательство неизбежности для опыта и мышления определенных понятий служит цели преодоления скептических сомнений в существовании внешних сознанию объектов. В случае успеха такое доказательство покажет и несостоятельность известных нам попыток чисто прагматического оправдания нашей концептуальной схемы (или схем).

Заимствуя у атомистов логико-онтологическую ноцию индивида, П.Ф. Стросон намерен воспользоваться и аргументацией трансценденталистского толка. Целью исследования у П.Ф. Стросона является установление формальных условий, которым должно отвечать *любое* средство коммуникации, условий возможности языка как средства концептуализации *опыта мира*. Оно будет результатом критики языка, начинающейся с описательного прояснения взаимных отсылок понятий.

Во **Втором разделе второй главы «Реконструкция проекта метафизики»** детально исследуются стросоновские аргументы, легитимирующие метафизику и освещается сам проект. §1 «Идентификация партикулярий» показывает, как П.Ф. Стросон обосновывает унитарность нашей концептуальной схемы.

П.Ф. Стросон указывает основной предмет своего рассмотрения: единицы *уже* наличествующей структуры, вовлеченной в исполнение коммуникативных целей. Он исходит из посылки, что в речи мы *идентифицируем* отдельные вещи. Наши когнитивные способности и способность к осмысленной речи характеризуются этой функцией, позволяющей улавливать тождественность вещи, проводить сравнение, классифицировать предметы. Это черта, от которой нельзя избавиться, не потеряв умения ориентироваться в мировом пространстве, не расставшись со всеми видами знаковой деятельности вообще. Язык несет в себе идею тождества.

П.Ф. Стросон, однако, усматривает различие между рассуждениями о тождественности вещи и рассмотрением процесса идентификации предмета разговора. Он представляет лингвистическую референцию как *речевой акт* идентификации нужной вещи и считает возможность идентификации сущностей необходимым условием их включения в нашу онтологию.

Основной П.Ф. Стросон предлагает считать демонстративную идентификацию, для осуществления которой достаточно того, чтобы адресат мог выделить зрительно, или на слух, или касанием нужную партикулярию, зная, что это та самая партикулярия, о которой ему рассказывают; то есть чтобы партикулярия наличествовала чувственно. Не все случаи идентификации принадлежат разряду демонстративных: поле нашего восприятия всегда ограничено. Чтобы узнать новую вещь как реальную или опознать отсутствующий в данный момент объект, нам требуется сделать его доступным опосредованно, через ряд описаний, содержащих референцию к наличным вещам. «Коснуться» удаленного объекта можно лишь при условии существования некой потенциальной универсальной соотнесенности всех объектов, поддающихся идентификации. Должно быть от-

ношение, обеспечивающее непрерывность, единство – те черты, которыми, безусловно, обладает каркас нашего знания. Это отношение должно быть эффективным средством установления уникальности дескрипций, а так же пополнения запаса идентифицированных партикулярий.

Всем требованиям удовлетворяют только пространственно-временные отношения. Никакой альтернативы им измыслить нельзя в принципе. Большинство других имеющихся отношений инкорпорируют пространственно-темпоральные элементы. Говоря о системе пространственно-временных отношений, мы высказываем нечто важное о нашем понятии *реального* и о чем-то «обуславливающим весь наш способ говорить и думать».

§2 «Базовые партикулярии» показывает, почему П.Ф. Стросон приходит к выводу, что когнитивная схема мышления строится, прежде всего, на концептуализации тел и личностей.

Иллюстративной основой следующего хода аргументации П.Ф. Стросона является наблюдение: нередко случается так, что идентификация партикулярии ставится в зависимость от идентификации других партикулярий.

Поскольку, как было показано, наш метод идентификации требует пространственно-временной системы, в которой мы – точка отсчета, то область поиска претендентов на статус базовых элементов системы сужена до вещей, способных сообщить нашему концептуальному каркасу его фундаментальные характеристики.

Единственная известная категория партикулярий, которая отвечает всем требованиям и, следовательно, может сконструировать костяк пространственно-временной системы – это *материальные тела*. Именно они служат базовыми ориентирами, которых держатся остальные отмеченные языком отдельные сущности, в том числе и состояния сознания, события, процессы.

Но одних лишь материальных тел недостаточно для обеспечения фундамента референции. Идентификацию приватных партикулярий (состояний сознания) П.Ф. Стросон ставит в зависимость от идентификации *личностей*, чьим историям они принадлежат. Логическая неразложимость и пространственность личности – это условие распознавания скрытой внутренней жизни других людей по их поведению.

В **§3 «Альтернативные концептуальные схемы»** характеризуется предложенный П.Ф. Стросоном инструмент трансцендентальной критики: ревизирующая метафизика, изобретение альтернативной концептуальной схемы.

В отличие от И. Канта, П.Ф. Стросон не считает пространство формой «внешнего чувства»: материальные объекты должны быть пространственны сами по себе, раз они «жалуют» концептуальному каркасу собственные характеристики. В порядке мысленного эксперимента П.Ф. Стросон разъединяет свойства объективности и пространственности и элиминирует последнее. Он моделирует мир без пространства, такой, в котором материальные тела не играли бы роль базовых партикулярных, но в то же время сохранялась бы возможность идентификации и реидентификации объективных партикулярных

Идея реидентифицируемости отдельной вещи связана с идеей непрерывности ее существования в моменты, когда она не воспринимается (то есть с *объективностью* этой вещи). В нашем «родном» мире с проблемой реидентификации помогает справиться представление о пространственном измерении мира, превосходящем возможности отдельного восприятия. Объектам есть, где «квартировать», пока их не воспринимают; звуковая партикулярия, когда я временно перестала ее слышать, не переставала существовать, а была слышима где-то в другом *месте*. Но в непространственном мире звуков невоспринимаемым партикуляриям во всех смыслах «негде» приютиться. Это означает, что мы не можем смоделировать процесс реидентификации для вселенной звуков, а, следовательно, мы не можем утверждать возможность опыта объективного.

П.Ф. Стросон решает модифицировать Непространственный мир, добавив к его структуре некий *аналог пространства*, исполненный в чисто аудиальных терминах. В этой аналогии «не-солипсическое сознание» и звуковые партикулярии перемещаются по «просторам» Непространственного мира, равным диапазоном непрерывно звучащего *мастер-саунда* (звука всегда одинаковой громкости и тембра, слышимого постоянно, что отличает его от всех других звуков), который и позволяет их идентифицировать.

§4 «П.Ф. Стросон и И. Кант» указывает на некоторые особенности стросоновского толкования критической философии И. Канта, что помогает дополнительно высветить доктрину самого П.Ф. Стросона.

Далеко не все в «Критике чистого разума» импонирует П.Ф. Стросону, но он полагает возможным выделить в этой книге ряд утверждений и использовать их в обосновании своей собственной позиции. Так появляются «два лика “Критики”»: реконструированная П.Ф. Стросоном аргументация в пользу эмпирического реализма и легко обособляемая группа странных и необоснованных, по его мнению, доктрин. Критическим пунктом является абсолютно неприемлемое для

П.Ф. Стросона приписывание пространственно-временного каркаса исключительно активности субъекта.

Избираемая И. Кантом эпистемологическая форма представления дуализма созерцаний и концептов – как противоположность общих понятий и *осведомленности* в опыте о вещах, подпадающих под эти понятия – делает предмет и восприятие предмета неравноценными. П.Ф. Стросон предпочитает выражать указанный дуализм нейтральнее, «онтологичнее»: как противопоставление общих родов и отдельных предметов. Пространство и время являются чувственными *условиями познания*, поскольку пространственность и темпоральность являются *формами партикулярности*.

П.Ф. Стросона нельзя назвать кантианцем. Его философия трансцендентальна, поскольку ставит перед собой задачу раскрытия не-эмпирических условий знания. Но решается эта задача не через расследование моментов познающего субъекта, а через анализ языкового схематизма, через построение онтологии естественного языка, которая, по мнению П.Ф. Стросона, обязательно реалистична (иначе быть просто не может). Поэтому симпатии к И. Канту заканчиваются там, где заканчивается кантовский эмпирический реализм и начинаются спекуляции на тему вещей самих по себе, природы как создания ума и пр.

Третий раздел второй главы «Единицы мира и единицы языка. Референция и предикация» демонстрирует аппликацию метафизических выводов П.Ф. Стросона в сфере построения оригинальной теории референции и предикации. В §1 **«Введение партикулярий в суждение. «Неполнота» предикатных выражений. Теория пресуппозиций»** утверждается, что прямым отражением метафизических изысканий П.Ф. Стросона в плоскости логики является его доктрина о пресуппозициях, использованная в характеристике «полноты» субъектных выражений – центральной ноции стросоновской логики.

П.Ф. Стросон предлагает «категориальный» критерий различения субъекта и предиката, который базируется на рассмотрении терминов как принципов собирания других терминов, на анализе т. наз. не-реляционных связей. Он отмечает аналогию между способами, которыми сортовые и характеризующие универсалии собирают партикулярии (устойчивое сходство между партикуляриями); но эта аналогия не распространяется на способы, которыми партикулярии собирают разные виды универсалий.

В дополнение к этому П.Ф. Стросон выдвигает тезис, что введение термина существенным образом подразумевает идею идентификации. Эта сквозная идея «метафизической» картины П.Ф. Стросона подытоживает его логические вы-

кладки. При введении универсалии затребован лишь факт о языке, тогда как для введения партикулярного термина необходим известный определенный факт о мире, принадлежащий единой истории мира. Несовпадение качества знания, определяющего вхождение того или иного вида терминов в суждение, дает возможность углубить и развить идею «неполноты» выражения.

И субъектные, и предикатные выражения одинаково неполны в том смысле, что само по себе каждое из них представляет только часть суждения. Но теперь возможна дополнительная характеристика степени их самостоятельности – через принятую дистинкцию между

1) такими выражениями, что мы не можем знать, **что** они вводят, не зная заранее (или не уяснив из их настоящего употребления) некоторый отличительный эмпирический факт об объекте, который они вводят;

2) такими выражениями, что мы прекрасно можем знать, **что** ими вводится, не зная никакого отличительного факта о том, **что** они вводят.

То, что право представлять факт, право выполнять референциальную функцию неравномерно распределено среди выражений, объясняет и обосновывает логическое деление термов на субъектные и предикатные.

В §2 «**Онтология и единичные термины**» дана экспозиция реакции П.Ф. Стросона на предложенную У.В.О. Куайном программу элиминации единичных терминов на основе модифицированной теории дескрипций Б. Рассела. По У.В.О. Куайну, для языка существенно не номинирование, а квантификация переменных объектов с последующим предиктированием, установлением отношений. Единичный термин, употребляемый для отсылки к одному и только одному объекту, не является необходимой категорией.

Ответ П.Ф. Стросона строится на различии в куайновской доктрине сильного и ослабленного тезисов о единичных именах. Ослабленный вариант говорит об устранимости таких имен с помощью парафраз (по теории дескрипций), а сильный тезис подразумевает возможность, когда единичных терминов не существовало вообще. У.В.О. Куайн связывает оба этих вывода. Но П.Ф. Стросон считает, что из основательно доказанного У.В.О. Куайном ослабленного тезиса отнюдь не следует сильный.

П.Ф. Стросон разводит референцию к отдельному объекту (которая осуществляется посредством квантифицированной переменной «нечто») и идентифицирующую референцию (указывающую на единственный объект и к тому же именно на «этот» объект; осуществляется единичными терминами) и доказывает, что язык, в котором не может быть осуществлена идентифицирующая рефе-

ренция к партикуляриям, был бы языком, в котором вообще нельзя осуществить какую бы то ни было отсылку к партикуляриям. Язык должен содержать средства для демонстративных отсылок к партикуляриям, поскольку для понимания любых атрибутов некоторые термины атрибутов должны изучаться остенсивно, в ситуации «прямой конфронтации» с примером атрибута.

§3 «П.Ф. Стросон и Д. Дэвидсон: два способа анализа предложений о событиях» демонстрирует пример аппликации, которую затронутые нами ранее темы могут иметь в области построения «региональной» онтологии конкретного вида сущностей.

Каково место событий в «онтологическом словаре» нашего языка? В каком качестве события становятся объектами референции? Каковы условия идентификации событий? Есть ли основания для признания событий отдельными сущностями (партикуляриями)? К рассмотрению этих вопросов мы подойдем через сопоставление фрагментов доктрин П.Ф. Стросона и Д. Дэвидсона (1917-2001). Мы увидим, что различие мотивов и идей, регулирующих процедуру выявления логической формы предложений о событиях, предопределяет расхождение в результатах анализа. Это расхождение показательно и интересно не только в плане изучения наследия П.Ф. Стросона и Д. Дэвидсона, но и в плане историко-философского осмысления аналитической парадигмы в целом.

При исследовании взглядов двух философов на «логическую природу» события бросается в глаза разница «масштабов» тех контекстов, в которых аналитики тематизируют события. Если интерес Д. Дэвидсона лежит в сфере построения адекватной теории человеческих действий, то П.Ф. Стросон видит свою философскую миссию в создании универсальной системы трансцендентальной метафизики любого естественного языка. Поэтому Д. Дэвидсон занят поиском частного критерия тождественности постулируемого класса сущностей (коим, по его мнению, оказывается одинаковость каузальных связей событий), тогда как П.Ф. Стросон стремится вписать события в общий пространственно-временной каркас референции. События в стросоновской интерпретации, по сути, сводятся к категории «теоретических объектов» или обобщенных наименований совокупности элементов ситуации. Д. Дэвидсон не делает попытки полностью изъять из рассмотрения событий их пространственно-временную размещенность, тем самым оставляя П.Ф. Стросону возможность утверждать, что последнее слово в идентификации событий – все же за пространством и временем.

Нельзя не отметить разницу в выборе логических средств анализа. Д. Дэвидсон использует аппарат и нотацию современной логики предикатов.

П.Ф. Стросон анализирует высказывания о событиях, почти нигде не прибегая к четкой формализации. Но в обоих случаях глубина анализа вполне отвечает требованиям философского понимания рассматриваемых феноменов и их связей. Фоном двух проектов анализа событий выступают ключевые проблемы, идеи и дискуссии аналитического направления философии XX века.

В **Заключении** подведены общие итоги исследования, указаны возможные перспективы развития тематики.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

1. Суханова Е.Н. Дж.Э. Мур и Б. Рассел: логика, язык, реальность // Вестник ТГУ. – № 300 (I). – Июнь, 2007. – С. 68-70.
2. Суханова Е.Н. П. Стросон и Д. Дэвидсон: два способа анализа предложений о событиях // Вестник НГУ. Серия: Философия. – Т. 5, вып. 1. – 2007. – С. 14-18.
3. Суханова Е.Н. Идеи И. Канта в аналитической философии (на примере программы П.Ф. Стросона) // Философия И. Канта и современность. Материалы Международной научной конференции 19-20 ноября 2004 г. – Минск: Техно-принт, 2005. – С. 201-203.
4. Суханова Е.Н. О подходах к исследованию субъективности в аналитической философии (на примере концепции личности П.Ф. Стросона) // Дефиниции культуры: сборник трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – С. 164-167.
5. Суханова Е.Н. Программа анализа языка П.Ф. Стросона: поиск базовых партикулярий и интерпретация трансцендентальной аналитики И. Канта // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и НТП»: Философия. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – С. 73-74.
6. Суханова Е.Н. Понимание и перевод как подход к исследованию референции в современной аналитической философии // Актуальные проблемы социальных наук. Выпуск 5: Материалы V региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», 18-19 апреля 2003 г. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 72-79.